

усобные столкновения удельных князей. Не радужнее была обстановка и в Южной Руси, которая также терпела и от татар, и от княжеских усобиц. Но московское разорение было для истории русской книги наиболее трагическим: по своим последствиям оно напрашивается на сопоставление с уничтожением старославянской письменности в эпоху византийской эллинизации и антибогомильской инквизиции и последовавшей затем волной русского влияния на Балканах в связи с восстановлением письменности по русским рукописям. Сразу после ухода татар началось обновление Москвы и постройка новых соборных храмов, для украшения которых были приглашены наиболее талантливые русские и балканские художники, как Андрей Рублев и Феофан Грек. Как раз в это время появляются и многочисленные южнославянские «киприановские» рукописи, которые, по всей вероятности, по инициативе и просьбе Киприана переписывались для Москвы в Болгарии, Сербии и на Афоне. Вполне возможно, что в связи с этим широким заданием, которое Киприан должен был внушить южнославянским церквам, могла созреть и мысль о реформе правописания. Во всяком случае слова Константина Костенечского о русском языке основаны не на легендарной традиции или на отвлеченных теоретических предположениях, а на действительном хорошем знакомстве с русским языком, как это ясно видно из приводимых им примеров.

Как известно, правописание патриарха Евфимия не получило полного признания и одобрения ни на Руси, ни в Сербии, ни в самой Болгарии. В частности, на Руси южнославянское правописание вместе с графикой южнославянского полуустава распространилось более всего в Москве, но параллельно с ним держалась и древняя традиция русского «старшего» полуустава. Литературный стиль «плетения словес» (возникновение которого, вероятно, значительно предшествовало патриарху Евфимию) не обладал целиком в русской литературе.¹⁹⁸ Параллельно с этим «высоким стилем» агиографии развивался и «средний стиль» в летописях, исторических повестях, описаниях путешествий и в других литературных жанрах, близких к деловой письменности, а рядом с ним жил и «низкий стиль» с разговорным языком в произведениях народной словесности и позднее в сатирической письменности.¹⁹⁹ Да и в области литературы «высокого стиля» — как это было с волной русского влияния в южнославянских литературах в XIII в. — второе южнославянское влияние в России послужило мощным импульсом для пробуждения местных творческих сил. Уже в первых агиобиографических трудах нового стиля у Епифания Премудрого появляются особенности в стиле, частью опирающиеся на древнюю литературную традицию Илариона и Кирилла Туровского, а частью представляющие оригинальный, самобытный способ художественного оформления южнославянского или греческого литературного трафарета. Значительно сильнее выявилась эта самобытная струя в последующей эволюции других родов литературы в XVI и XVII вв., когда новые условия государственного и общественного развития и новый комплекс культурных проблем, философских и религиозных идей поставили перед литературой новые задачи как в отношении содержания, так и в области стиля. Эта эпоха открывает и новую страницу в истории русско-южнославянских литературных связей.

¹⁹⁸ Ср. вопрос о сложных словах в панегирической литературе XV—XVI вв. в статье М. Н. Сперанского «Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле литературной русской школы XV—XVI вв.» в его книге «Из истории русско-славянских литературных связей» (стр. 160—197).

¹⁹⁹ См.: Лихачев, стр. 26—27.